

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РАЗВИТИЕ ЕРЕВАНА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ

(Сборник документов, 1801—1917 гг.)

Составил Т. Х. АКОПЯН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЕРЕВАН—1978

«Краткое извлечение из дознания, произведенного в Эриванском Губернском Жандармском Управлении, по поводу обнаружения, в гор. Эривани, армянского кружка, известного под названием «Гая—Серъ» и «Аска—Серъ», деятельность коего предусмотрена 2 част. 250, 251, 260 и 318 ст. Улож. о наказ. уголовн. и исправительных»

19-го марта сего 1883 года, Директору Эриванской классической гимназии Коллежскому Советнику Бражникову, на городском бульваре, было нанесено оскорбление действием, (двумя ударами по лицу) жителем гор. Эривани Томасом Мегеровым.

При полицейском дознании, произведенном в день оскорбления Бражникова, Томас Мегеров заявил, что оскорбление нанесено им за то, что Бражников, на его обращение с просьбою о выдаче документов брата его, Баграта Мегерова, выбывшего из гимназии, ответил дерзостью, назвав его, Мегерова, «армяшкой» и это обстоятельство будто бы вызвало оскорбление со стороны его Мегерова. Хотя заявление Мегерова и не подтвердилось показаниями бывших очевидцев происшествия, но тем не менее признание самого Мегерова в том, что оскорбление последовало после обращения его к Бражникову, как к должностному лицу, послужило основанием Прокурору Эриванского Окружного Суда признать в оскорблении Бражникова преступность, предусмотренную 285 ст. Улож. о Наказ., а потому и обследование факта оскорбления было поручено местному следователю Балиму-сову.

На другой день, 20 марта, в видах пресечения Мегерозу способов уклонения от следствия и суда, состоялось постановление, которым установлен залог в размере 5000 руб. и

впредь до представления такового, содержание обвиняемого под стражу. Означенное постановление следователя вызвало необыкновенное движение среди армянской интеллигенции. На городском бульваре составились значительные кружки и замечалось особое движение в городе; всюду слышался ропот и угрозы по отношению к следователю, постановившему такое определение; деньги 5000 рублей, через час после арестования Мегерова, были собраны и представлены, и когда следователь не нашел возможным принять эту сумму, по случаю праздничного дня, не позволявшего ему сдать залоговые деньги на хранение в казначейство, то целая толпа армянской молодежи явилась к квартире следователя и грубо настаивала принять залог и немедленно освободить Мегерова; другие лица, из армянского общества, в тот же день, отправили прошения, телеграммы, от имени Мегерова, к высшему начальству с жалобой на незаконные действия следователя. В тот же день городской врач Левон Тигранеанц, занимающий должность Председателя отделения армянского благотворительного общества на Кавказе, явился в тюрьму, по виду служебных обязанностей, и за поступок Мегерова благодарил его от имени общества, как оказалось впоследствии Мегеров состоит членом Совета и одним из главных деятелей; другие члены того же общества, явились в тюрьму успокоить Мегерова, что залог собран и он будет немедленно освобожден.

21-го марта залог был принят и Мегеров освобожден из-под стражи. При выходе его из тюрьмы, часть армянского общества, почему-то признала нужным оказать Мегерову оvation и носились слухи, что в этот и последующие дни, в городе устраивали обеды, где провозглашали тосты в честь Томаса Мегерова. Вышеизложенное явление, а также анонимное письмо от имени «армянской нации» на имя попечителя Кавказского учебного Округа, доставленное Бражниковым следователю, в котором задолго до оскорбления выражалось требование об удалении Бражникова и угроза побить его, если требование не будет уважено, — все это в достаточной степени определило, что оскорбление Бражникова не было случайным и частным столкновением, а состоялось при участии значительного армянского кружка, заинтересованного в удалении Бражникова, как директора гимназии и что самое оскорбление было намечено заблаговременно.

На основании вышеизложенного Прокурор Эриванского Окружного Суда Фрейганг признал дальнейшее ведение дела не подлежащим производству в общем порядке уголовного судопроизводства, почему изъяв дело от следователя, вместе с полицейским дознанием препроводил таковое на мое рас-

поряжение, при отзыве от 29-го марта, за № 23, с заключением, в котором выразил убеждение, что оскорбление Бражникова, на основании фактов, предшествовавших аресту Мегерова и последующих, составляет явление, имеющее политический характер.

Проверив данные, послужившие основанием для упомянутого заключения, а также приняв во внимание, что до оскорбления Бражникова, в его квартире два раза били окна, в населении появились возбуждающие армянские прокламации и наконец в местной армянской газете «Псак» («Венок») опубликована статья возбуждающего характера, почему признал необходимым для выяснения такового явления в среде армян и обстоятельств, побудивших армянское общество выказать поощрение Мегерову, оскорбившему Директора Бражникова, начать производство дознания в порядке положения о Государственной охране Высочайше утвержденного 14 августа 1881 года, каковое дознание и поручил адъютанту вверенного мне Управления капитану Громыко, под своим непосредственным наблюдением.

Производство дознания начато с допроса директора Бражникова о причинах, которые могли вызвать возбуждение армян в отношении его, причем последний объяснил: с прибытием его на должность директора Эриванской гимназии, преподавателем армянского языка состоял инспектор армянской духовной семинарии Бек-Назарянц, который, в часы классных занятий, диктовал ученикам возбуждающие армянские патриотические песни и своим влиянием на учащихся противодействовал введению в гимназии обязательного употребления разговорного русского языка и чтения на русском языке молитв до и после учения, каковое противодействие послужило поводом к нарушению школьной дисциплины; вследствие чего, по представлению его Бражникова, Бек-Назарянц был устранен от преподавания и на место его, с разрешения Попечителя Округа, определен священник Хачатур Бабаханов.

Такая замена одного преподавателя другим вызвала недовольствие со стороны армянской интеллигенции и местный армянский епископ Суренянц счел нужным лично требовать от Бражникова отмены нововведений, относительно чтения молитв и употребления русского языка; независимо от этого Суренянц вошел с жалобой на действия директора к патриарху Католикосу Кеворку IV, который жалобу Суренянца направил к Попечителю Кавказского Учебного Округа и когда переписка по этому предмету не удовлетворила требования армян и их духовенства, то в отношении Бражникова и вновь назначенного преподавателя священника Баба-

ханова последовал ряд мероприятий: по наущению армянской интеллигенции и епископа Суренянца, ученики гимназии составили прошение на имя последнего об удалении Бабаханова, как неспособного преподавателя; прошение было отобрано гимназическим начальством и виновные ученики наказаны; тогда давление было направлено против Бабаханова: вначале, епископ Суренянц предлагал ему добровольно оставить гимназию, в виду того, что по его мнению, Бабаханов не способен вести преподавание в том духе, в каком вел таковое предшественник его Бек-Назарянц; но так как гимназическое начальство признавало Бабаханова вполне соответствующим своему назначению, и сам Бабаханов, будучи заинтересован получаемым содержанием, не оставлял преподавания, то Эчмиадзинским Синодом был возбужден вопрос о неправильном израсходовании Бабахановым 151 руб., в бытность его приходорасходчиком, за определением Синода, состоявшимся 4-го февраля 1883 года, означенный священник отрешен от священнодействия и назначен к ссылке в монастырь Севан на неопределенный срок.

Во втором журнальном постановлении Синода, от 15-го февраля сего же года, выражено, что в виду основательных жалоб жителей гор. Эривани и учеников гимназии, о неспособности Бабаханова к преподаванию армянского языка, определено: отрешить священника Бабаханова от должности преподавателя и на его место назначить священника Тер-Микиртичянца. «В виду таких настояний Синода и личных увещаний епископа Суренянца, Бабаханов вынужден был подать прошение об увольнении его от преподавания, по болезни, после чего ссылка его в монастырь Севан, по следующим распоряжениям Синода, отменена и Бабаханов оставлен при священнодействии. По справкам оказалось: в 1870 году, священник Бабаханов, вследствие предписания Синода от 30-го апреля того же года, за № 675, уплатил 150 руб. из приходских денег, за нарезку именных печатей для приходских священников и росписки в уплате денег представил в Синод при рапортах от 30 января 1874 года, за №№ 93 и 94. Из имеющихся в деле по сему предмету от Синодального Прокурора Тер-Осипова сведений видно, что отрешение священника Бабаханова от священнодействия и ссылка его в монастырь Севан, на неопределенный срок, применялись к последнему в виде понудительной меры к уплате им 151 руб. израсходованных не по предписанию подлежащего Начальства, а на основании словесных распоряжений бывших викариев, а удаление Бабаханова от преподавания в гимназии, будто бы состоялось по предварительному сношению Синода с Попечителем Округа, тогда как в журнальном постановле-

нии Синода, от 15 февраля 1883 г., категорически выражено, что Бабаханов устраняется от преподавания в гимназии и заменяется священником Тер-Микиртичьянцем. Вышеизложенные обстоятельства достаточно наглядно указывают на стремление армянского общества и армянского духовенства, вмешательством в дела казенных учебных заведений, охранять национальный язык и влиять на образование армянского юношества, в патриотическом духе. Хотя удаление священника Бабаханова от преподавания в гимназии и было достигнуто, но место его, по распоряжению учебного Начальства занял учитель Атаманов, а не священник Тер-Микиртичьянец, определенный журнальным постановлением Синода, и система обучения принятая директором Бражниковым, продолжалась. Это обстоятельство послужило поводом к новым проявлениям возбуждения армянского общества против директора Бражникова: в местной армянской газете и в армянских кружках выражались нападки на Бражникова за то, что будто бы он поощряет мусульман к образованию, содействует увеличению контингента учащихся из этой национальности, как бы в ущерб национальным и экономическим интересам армян и что в частной жизни он, Бражников, отдает предпочтение мусульманам пред армянами. Последствия такого озлобления выразились двукратным разбитием окон в квартире Бражникова, распространением неблагоприятных о нем слухов и наконец анонимным письмом, от имени «армянской нации» на имя Попечителя учебного Округа, в котором, наряду с обвинениями Бражникова в деяниях уголовного характера, выражено требование об удалении его от занимаемой должности с угрозой, в противном случае, нанести ему публичное оскорбление, что и было приведено в исполнение 19-го прошлого марта Томасом Мегеровым.

При дальнейших распросах даны были указания, что оскорбление Бражникова было делом кружка лиц, известных в гор. Эривани под названием «Гая-Серъ» и «Аска-Серъ» (ревнителей армянской национальности и патриотов), стремящихся путем воспитания юношества и влиянием на народ подготовить деятелей, способных содействовать к объединению и восстановлению, в будущем, независимой Армении, и так как в Бражникове видели лицо, противодействующее подобной пропаганде в стенах гимназии... удаление Бражникова от должности, было признано необходимым если не легальным путем, то посредством оскорбления. Кроме того, распрошенные при дознании лица показали, что в Эривани разновременно производились тайные денежные сборы, которые употреблялись на закупку оружия для турецких армян и на другие патриотические надобности, причем как на главных

деятелей кружка «Аска Серъ» и «Гая Серъ» указали на нижеследующих лиц: Ивана Тер-Захарова (помощник секретаря Окружного Суда), Рубена Джалалова (частный поверенный), Левона Тигранянца (городовой врач), девицу Гаяне (Иоаннисиани) (начальница армянских женских школ в г. Эривани), Василия Егиазарова (частный поверенный), Трдата Вартанова (нотариус), Гайка Мадакиянца (секретарь Окружного Суда), Васака Пападжанова (заступающий должность городского головы, он же издатель местной армянской газеты «Псак»), Арама Мельянца (учитель армянской женской школы св. Гаяне), Бек-Назарянца (инспектор армянской Семинарии), Томаса Мегерова (попечитель школы св. Гаяне) и на некоторых других, не занимающих видного общественного положения.

На основании таких указаний было признано необходимым перейти в дальнейшем производстве к порядку закона 19 мая 1871 года. Дознание, в новом порядке, начато с допроса Томаса Мегерова, который не отвергая оскорбления им Бражникова действием, в общем отрицал всякое стороннее влияние и участие; между тем полицейским дознанием, сведениями, негласно собранными переводчиком управления, удостоверено, что Мегеров был направлен кружком армянских патриотов и что действие его было заранее обдуманно; последнее подтверждается тем, что до совершения оскорбления Мегеров справлялся в законе об ответственности, какой будет подвергнут за подобный поступок; в момент оскорбления, имея в кармане заряженный револьвер, вероятно в предупреждение возможных случайностей и наконец анонимное письмо, о котором упомянуто выше.

Солидарность армянского образованного общества с поступком Мегерова доказывается письмом, писанным Томасом Мегеровым Григорию-Аге (редактору газеты «Мшак» Арцруни), в котором Томас Мегер настоятельно требует оказать содействие к освобождению его из-под стражи, на основании предшествовавших обещаний Рубена Джалалова и других; письмо студента Тер-Григорьянца из Москвы, и открытое письмо из Тифлиса, за подписью «Кайцак» (молния), в которых выражено сочувствие Мегерову и его участникам, и наконец покровительство и овации, оказанные Мегерову армянским обществом, убеждают, что оскорбление Бражникова чуждо всякой частности, а составляло интерес армянских патриотов. Отрицание и уклончивость со стороны Томаса Мегерова, несмотря на многие обстоятельства, обличающие в нем активного деятеля кружка, вызвало необходимость, в видах изолирования его от сношений с соучастниками, временно, подвергнуть его тюремному заключению

и убедило в бесполезности продолжать дальнейшее привлечение к дознанию лиц, только на основании свидетельских показаний, почему и признано было необходимым приступить к производству обыска в квартире Ивана Тер-Захарова, который по показанию свидетелей, был одним из главных деятелей кружка «Аска Серъ». При обыске, произведенном 20 апреля, взяты бумаги, в которых, после просмотра, оказалась прокламация на армянском языке, взывающая к армянскому юношеству и народу пролить кровь за свободу Армении и принять участие в народном движении, которое, в близком будущем, должно развиваться на всем пространстве Армении; там же обнаружен список организованного товарищества (любителей книгопечатания), которое существовало в гор. Эривани, без разрешения властей, с 1881 г. до половины 1882 года, а затем слилось с армянским благотворительным обществом на Кавказе, имеющим утвержденный Устав.

Деятельность упомянутого товарищества обрисовывает документ, взятый также в числе бумаг Ивана Тер-Захарова; в нем изложено предложение одного из членов, Арама Мельянца, относительно направления, которому должно следовать товарищество, при издании книг, для народного чтения; в этом предложении выражено буквально следующее: «лишь только теперь некоторые личности решились заботиться о нуждах народа, решились навеять на него приятный зефир, решились вызвать общество на сцену и действительно нам подобает пробуждать и вызывать общество на сцену, в этом именно будет состоять цель, после чего любопытный народ поймет то, что было до сего времени, скрыто от его глаз». И так как предложение это общим собранием товарищества принято за благо и одобрено, то и деятельность его, независимо от незаконности существования, нельзя было не признать и безусловно вредной, почему все 28 членов товарищества привлечены к дознанию в качестве обвиняемых. В числе взятых и Ивана Тер-Захарова бумаг оказались также и бумаги Эриванского отделения Армянского благотворительного общества на Кавказе и так как в деле были указания о разновременных денежных сборах, производившихся в гор. Эривани и не выяснено для каких именно целей и куда поступали эти сборы, то было признано нужным просмотреть и эти бумаги, причем обнаружился полный беспорядок делопроизводства и отсутствие всякой денежной отчетности, несмотря на то, что денежные сборы, вопреки уставу, разновременно производили многие из членов общества, официально существующих в гор. Эривани уже более года. Из протоколов того же общества между прочим усмотрено, что деятель-

ность общества, в смысле благотворительности, почти не выражалась, а главным образом, была направлена на то, чтобы воздействовать на народное воспитание, путем издания соответственных книг; последнее доказывает, что программа деятельности прежнего тайного товарищества оставлена в прежней силе, но только под официальным названием («благотворительного общества»).

При последующих обысках, произведенных 24 апреля у частного поверенного Рубена Дажалалова и в совместной квартире Начальницы всех армянских женских учебных заведений девицы Гаянэ Иоаннисиани и городского врача Левона Тигранеанца, взяты бумаги, которые после пересмотра дали следующие результаты: в бумагах Рубена Джалалова обнаружен документ, об армяно-курдском союзе, из которого видно состоявшееся соглашение армян с курдами, кочующими на границах Турции, Персии и России, для взаимной помощи и единства действий, на случай восстания в Армении; рекомендательное письмо из Тифлиса, Мелик-Акопянца [Раффи] на имя Рубена Джалалова, относительно турецкого поданного Шахназарьянца, приезжавшего в Закавказский край по поручению Константинопольского армянского общества «Араратян», с какими-то тайными планами по освобождению турецких армян и по делам Эчмиадзинского монастыря и другие письма Константинопольских армянских обществ, обнаруживающие, что как в Тифлисе, так и в Эривани существуют агенты этих обществ и даже комиссии по сбору денежных пожертвований, а также доказывающие соглашение и солидарность между турецкими и русскими армянами относительно направления народного образования; сверх того обнаружена переписка о продаже и отправке скорострельного оружия и о какой-то загадочной связи Рубена Джалалова с российским вице-консулом в Ване Камсараканом.)

У Левона Тигранеанца найдены письма, обнаружившие его сношения с константинопольскими, ванскими и хараконисскими патриотами (епископом Хримьяном и Пашаджемалджаном), в которых говорится, о необходимости одновременного восстания в Киликии и в верхней или Русской Армении и другие бумаги, свидетельствующие о патриотических национальных стремлениях Тигранеанца.

Из бумаг девицы Гаяне Иоаннисиани обратили на себя внимание два письма из Женевы, где Иоаннисиани изучала школьное дело, подписанное буквами Е. Д., в которых говорится о различии целей и деятельности и упоминается о том, что Е. Д. сочла нужным сжечь, вместе со всею своею корреспонденцией, и письма девицы Иоаннисиани. Так как по показанию Иоаннисиани, автором писем была девица Е. Дрен-

тельн, переехавшая впоследствии в Петербург, то уничтожение корреспонденции, дает основание предполагать, что содержание писем Иоаннисиани могло быть компрометирующего свойства, которые иметь при себе, признавалось, вероятно, небезопасным.

Из учебной деятельности девицы Иоаннисиани обратило на себя внимание национально-патриотическое влияние на учащихся; так, в расписание уроков подведомственных ей приходских школ введено обязательное обучение армянским патриотическим песням, в которых, в прочувствованных выражениях, высказывается сожаление о славном прошлом Армении и оплакивается печальное настоящее положение ее, воскрешается надежда на предстоящее возрождение Армении и взывается к общему участию армян в борьбе за свободу отечества.

На основании данных, добытых допросами, было признано необходимым произвести обыски в гор. Тифлисе у издателя армянской газеты «Мшак» Арируни и у корреспондента той же газеты персидского подданного Мелик-Акопьянца, так как выяснилось, что упомянутые лица, посредством прессы, и личным участием содействовали сближению интересов турецких армян с русскими. Вследствие последовавшего по сему предмету сношения Начальник Тифлисского Губернского Жандармского Управления, при отзыве от 18 июня за № 384, препроводил переписку, из коей видно, что в бумагах, взятых у издателя газеты «Мшак» Арируни, при обыске произведенном 30 апреля, 1 и 2 мая, после осмотра и перевода бумаг при упомянутом управлении на русский язык, не обнаружено никаких компрометирующих документов; в бумагах же, взятых при обыске у корреспондента той же газеты Мелик-Акопьянца (Раффи) и препровожденных без осмотра и перевода, при отзыве от 20 мая за № 299, осмотром на месте производства дознания, в г. Эривани, найдены печатные документы, на армянском языке...

Несмотря на то, что в деятельности лиц, привлеченных к дознанию, и по результатам обысков первоначально не выяснилось общей связи, а усматривалась как бы отдельная и случайная преступность каждого из привлеченных к делу лиц, но при дальнейшем развитии дознания преступная связь, политического характера вполне обнаружилась. После Берлинского трактата, начертавшего самоуправление Турецкой Армении, в Константинополе, в видах приготовления народа к принятию реформы, образовалось несколько армянских обществ, для учреждения школ в Турецкой Армении, но так как реформа не приводилась в исполнение, то упомянутые общества, желая осуществить реформу силою, приняли на себя ру-

ководящую роль в деле возбуждения народа к восстанию; агитация велась путем печати, прокламаций, стихотворений и песен возбуждающего характера и главным образом была направлена на учащееся юношество, так как невежественное армянское население Турции не могло усвоить себе патриотических идей и воспринять политического направления интеллигентного класса. Недостаток средств для приготовления восстания и опасение за обнаружение заговора Турецким Правительством, повидимому побудили представителей армянских обществ перенести арену действий в Русскую Армению, где образование, богатство армянского населения и широкие гражданские права, позволяли вести пропаганду с большим успехом, для чего в 1879 году, как видно из дела, посетили Закавказский край некоторые из константинопольских и ванских патриотов, а другие деятели тех же обществ завязали с русскими армянами письменные сношения.

Тем же путем пушены были в обращение в Закавказском крае армянские прокламации, патриотические песни и стихотворения, вызывающие о пожертвовании сил и достояния во имя свободы отечества. Увлечение патриотизмом охватило армянскую интеллигенцию Закавказского края, в Турецкую Армению двинулись армянские добровольцы, армянская периодическая печать открытозывала о помощи и о пожертвовании бедствующим братьям, начались подписки отдельными лицами, а затем образовались агентства и комиссии по сбору пожертвований, которые направлялись в Константинополь, Ван и другие местности Турецкой Армении. Последствия такого возбуждения убедили интеллигентное армянское население Закавказского края, в неготовности простого класса к восприятию патриотических идей, как это было замечено и в Турецкой Армении, так как в движении и в пожертвованиях принимал участие исключительно образованный класс. Это обстоятельство не могло не обратить внимания руководящих деятелей Тифлиса на систему народного образования и направления воспитания в школах Турецкой Армении, развивающихся под влиянием армянских обществ в Турции, почему уставы, инструкции и самая система патриотического воспитания нашли применение в армянских школах Закавказского края.

В начале армянское патриотическое движение, как сознают сами привлеченные к делу, имело задачей лишь освобождение угнетенных братьев из-под турецкого владычества, но впоследствии, по естественному человеческому чувству желать для брата не более чем для самого себя, идея объединения и возрождения Армении стали девизом каждого сколько-нибудь развитого и образованного армянина. Для боль-

шого простора в действиях армянское общество нашло возможным, в 1880 и в 1881 годах, исходатайствовать в Тифлисе разрешение учреждения обществ, под разными названиями: «Армянское благотворительное общество на Кавказе», отделения этого общества в других городах: «Общество для издания армянских книг», «Армянское женское благотворительное общество», «Армянское благотворительное общество в Баку». Независимо от официальных обществ, учреждались и неофициальные, в роде обнаруженных в Эривани «Товарищества любителей книгопечатания» и «Гимнастического общества»; доказательством охватившей армян мании на учреждение обществ служит, между прочим, и то, что в недавнее время александропольские армянские дамы вошли с ходатайством к Эриванскому Губернатору о разрешении открыть общество для приготовления образованных матерей.

Широкие права, представленные упомянутым обществам, в особенности армянскому благотворительному, сгруппировали национальные интересы около школ и дали возможность устранить армянское духовенство, как несоответствующее ведению народного образования в желательном для патриотов направлении, оставив власть в руках епархиального начальства, только номинально. С переходом армянских школ под влияние и опеку благотворительных обществ, эти последние внесли в дело образования и воспитания юношества свою систему и направление; во главе управления школами стали лица, получившие специальное образование за границей, или воспитанные в армянских семинариях в патриотическом духе, последствием чего, национальный язык, армянская история, национальные патриотические песни заняли первенствующее место в программах школ, а русский язык, при отсутствии всякого надзора, оставлен в программе, лишь для удовлетворения правил, установленных для приходских школ. Народные училища, подведомственные Министерству народного просвещения, развиваются слабо, так как все средства сельских обществ, на этот предмет, поступают на церковно-приходские школы и влияние духовенства привлекает в эти последние большинство учащихся.

Такая система и направление воспитания армянского юношества постепенно готовят контингент патриот-фанатиков, на коих армянские политические деятели возлагают свои надежды по осуществлению стремлений к объединению и восстановлению в будущем независимой Армении.

Армянская пресса под прикрытием уставов тех же обществ и пользуясь особенностью армянского языка, неизвестного другим национальностям края, переполнилась возбуждающими идеями о возрождении Армении; для примера мож-

но указать на просмотренные и пропущенные цензурою книги и газетные статьи, в которых, независимо от возбуждения вражды к Турции, выражена клевета и возбуждение против Русского Правительства и мысли о восстановлении Армении, как собственными силами, так и при содействии Европейских держав, а именно: «Сочинение Минаса Чиразова: Научное испытание», «Армения и Италия». В этих книгах изложено путешествие Ванского епископа Хримяна и других делегатов к Европейским дворам и их ходатайства о защите армянских национальных интересов, а также надежды на объединение и восстановление независимой Армении.

В сочинении (Раффи (Мелик-Акопьянц), озаглавленном «Золотой петух», и в нескольких, имеющихся при деле печатанных листках, заключаются как выражения вражды против Турции, так и клевета, возбуждение армянского народа и угрозы, направленные против Русского Правительства. Сборник стихотворений армянских писателей под заглавием «Армянская лира» и «Поэзия Камар-Катиба», изданные в С.-Петербурге, заключают в себе песни и стихотворения, направленные к возбуждению в народе воспоминаний о прежнем величии Армении, о печальном ее настоящем и вызывающие к армянскому народу о соединении для борьбы за свободу отечества.

В статьях Эриванской армянской газеты «Псак» в №№ 7 и 9 за текущий год, помимо воззвания к армянской нации о необходимости прибегнуть к активным действиям для получения свободы, предлагается перенести патриарший престол из Эчмиадзина в Турецкую Армению, так как, по выражению автора, Патриарх Католикос, будучи в оковах и рабстве, не может иметь политического влияния на судьбы Армении.

К числу приемов и мероприятий, долженствующих возбуждающим образом действовать на армянское население, следует отнести и распространение за последнее время портретов бывших армянских царей и их сподвижников, а также изображений развалин бывшей армянской столицы «Ани» и других городов и «Духа Армении», в образе молодой девы, оплакивающей эти развалины и корону, изображенную на картине: такие картины составляют неизбежную принадлежность каждого армянского дома и армянской школы.

На основании имевшихся в деле указаний были допрошены некоторые из бывших воспитанников армянских училищ, и это соприкосновение со школою обнаружило результаты воспитания в армянском патриотическом духе. Изучаемые песни заимствуются не из народной жизни, а созданы в последнее время под влиянием армянского политического брожения;

При обучении пению считается уместным разъяснять учащимся значение песен, с присовокуплением слов: «Пойте, радуйтесь и укрепляйтесь в надежде, что скоро настанет Армянское царство».

Содержание письма, доставленного гимназическим начальством, адресованного из Москвы, на имя ученика IV класса Эриванской гимназии Аветиса Оганджанова, 20 лет, обнаружило сношения последнего со студентом Московского университета Серапионом Тер-Григорьянцем и так как этим письмом поручалось Оганджанову выразить сочувствие лицам, принимавшим участие в оскорблении Бражникова и упоминалось о какой-то тайной деятельности армянской молодежи, то и было признано нужным произвести обыски: в гор. Эривани у Аветиса Оганджанова и у студента Тер-Григорьянца, переехавшего на каникулярное время из Москвы в город Богородск. Последнее действие было поручено Помощнику Московского Губернского Жандармского Управления Капитану Пирамидову. Обыском у Оганджанова не обнаружено документов, имеющих серьезное значение, хотя в числе армянских рукописей найлены стихотворения, песни, отдельные мысли и выписки из социалистических сочинений, возбуждающего патриотического характера. При допросе Аветиса Оганджанова, относительно лиц, принимавших участие в оскорблении Бражникова, о коих упоминается в письме, отозвался незнанием; что же касается упоминаемой деятельности армянской молодежи, то Оганджанов объяснил, что в Эриванской гимназии формировались кружки, с целью самопомощи в деле развития, для того чтобы, по выражению Оганджанова, «впоследствии быть полезным своему отечеству Армении, как русские для России», и так как кружки эти не могли упрочиться, то это и послужило Тер-Григорьянцу поводом выразить в письме свое порицание Эриванской армянской молодежи.

При обыске, произведенном Капитаном Пирамидовым, у студента Тер-Григорьянца, найдены две литографические армянские прокламации, за подписью и печатями общества «Единства патриотов». В одной из них изложена программа социально-революционного направления, для установления во всей Армении, союзного правления, на федеративных началах, в другой прокламации—воззвание к армянскому юношеству о самопожертвовании во имя освобождения отечества; печать, резанная из меди, с изображением крестообразно ружья и сабли, с надписью на армянском языке «Единство патриотов»; дневник Серапиона Тер-Григорьянца, в котором, между прочим, проведены мысли о сплочении армянской молодежи, для целей национально-патриотических, путем обра-

зования кружков и обществ в среде армянской учащейся молодежи, для единства действий в стремлениях к возрождению армянской нации и переписка с С.-Петербургом, Москвою, Харьковом, Тифлисом и другими местностями, указывающая на то, что в означенных городах сформировались, или формируются общества и кружки армянской молодежи, преследующие политические цели, а также и на то, что существуют особые программы обществ и класс. и что в Москве издаются «Листки единства патриотов», которые рассылаются армянским обществам в других городах. Та же переписка указывает, что кружки тифлиских гимназий, независимо от общей связи в деятельности, «с успехом» ведут патриотическую пропаганду учреждением, повидимому, неофициальных школ для армянских детей.

В общем переписка Тер-Григорьянца и другие, имеющиеся при деле документы, представляют достаточный материал, чтобы судить о политических страстях, развившихся в среде армянской учащейся молодежи, и в интеллигентном армянском обществе; те же документы указывают на стремления армянской молодежи в учебные заведения Западной Европы, на враждебные чувства известного слоя армян к русскому государственному строю, к русской политике, к русским учебным заведениям, к русскому языку и наконец на вредное направление руководящей армянской печати.

Фанатическое увлечение армянской интеллигенции и в особенности молодежи, перешло границу умеренности; прилагаемая при сем копия с перевода армянской «инструкции», в достаточной степени свидетельствует о тех репрессивных приемах, которые армянские патриоты, по видимому, применяют в общественной жизни и на служебном поприще, для вытеснения других национальностей, препятствующих водворению в крае армянского режима.

Так как на привлеченных к дознанию лиц падает обвинение в том, что они принадлежат к сообществу, которое, путем разных мероприятий, стремилось к объединению и восстановлению независимой Армении, и тем самым проявило умысел ниспровергнуть, в более или менее отдаленном будущем, Правительство в части Государства—то к деятельности лиц, число коих простирается до 39 человек, по мере их участия, применены 2 ч. 250, 251, 260 и 318 ст. Улож... о наказ. уголов. и исправительных—и соответствующие меры пресечения.

Ввиду того, что существование армянских кружков и обществ в городах: С.-Петербурге, Москве, Харькове и Тифлисе, в среде учащихся, обнаружено только путем найденных у студента Тер-Григорьянца писем, с неясными подписями и

что из объяснения Тер-Григорьянца не получено достаточно-го материала для обнаружения виновных в составлении кружков, то выяснение обстоятельств, коики сопровождалось формирование армянских кружков в упомянутых городах, не может быть исследовано путем отдельных следственных действий, а может составить предмет особого производства, поэтому, согласно постановлению, состоявшемуся 4-го сего июля, определено: о существовании кружков и обществ в С.-Петербурге, Москве, Харькове довести до сведения Начальников подлежащих Жандармских управлений, а дознание, как оконченное по Эриванской Губернии, представить Прокурору Тифлисской Судебной Палаты на усмотрение, и если будет признано нужным, для дополнения относительно тифлиских кружков.

Начальник Эриванского губернского
жандармского управления
полковник . . .